

УДК 392

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-8-28

Русское население Иркутской провинции (по материалам академических экспедиций XVIII века)

А.Ю. Борисенко

Институт археологии и этнографии СО РАН

Аннотация

Представлен обзор сведений о повседневной культуре русского населения Иркутской провинции, собранных европейскими исследователями – участниками научных экспедиций, организованных Российским государством в XVIII веке: Д.Г. Мессершмидтом, Г.Ф. Миллером, И.Э. Фишером, И.Г. Гmeliным, П.С. Палласом, И.Г. Георги. Посредством историко-сравнительного метода в статье выявлены взаимодействия русского и аборигенного населения Сибири; традиции, фиксировавшиеся на протяжении XVIII в. участниками академических экспедиций и сохранившиеся в измененном виде до настоящего времени, что позволяет проследить их ретроспективное развитие; прослежены изменения в описательном подходе у авторов исследуемых сочинений с 20-х по 70-е гг. XVIII в. Представленный в статье материал может иметь практическое значение для специалистов, занимающихся изучением этнографии и этнологии русских на территории современной Иркутской области.

Ключевые слова

Культура повседневности, русское население, Иркутская провинция, академические экспедиции XVIII в., Д.Г. Мессершмидт, Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, И.Э. Фишер, П.С. Паллас, И.Г. Георги.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

Для цитирования

Борисенко А. Ю. Русское население Иркутской провинции (по материалам академических экспедиций XVIII века) // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. С. 8–28. DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-8-28

The russian population of the Irkutsk province based on the materials of academic expeditions of the XVIII century

A.Yu. Borisenko

Institute of Archeology and Ethnography SB RAS

Abstract

This paper presents an overview of information about the everyday culture of the Russian population of the Irkutsk province, collected by European researchers – participants of scientific expeditions organized by the Russian state in the XVIII century – D.G. Messerschmidt, G.F. Miller, I.E. Fisher, I.G. Gmelin, P.S. Pallas, I.G. Georgi. At the beginning of the work, the definition of the concept of «everyday life» is given, which we relied on during the writing of this article. Next, a brief overview of the historical context in which interest in the history of Siberia was formed by the Russian and foreign scientific community is given, and the history of the penetration of the Russian population into the Siberian territories is briefly described. By means of the historical and comparative method, the article reveals: the interchanges of the Russian and aboriginal population of Siberia; traditions recorded during the XVIII century participants of academic expeditions and preserved in modified form to the present, which allows us to trace their retrospective development; changes in the descriptive approach of the authors of the studied works from the 20s to the 70s of the XVIII century are traced. The material presented in the article may be of practical importance for specialists engaged in the study of ethnography and ethnology of Russians in the territory of the modern Irkutsk region.

Keywords

culture of everyday life, Russian population, Irkutsk province, academic expeditions of the XVIII century, D.G. Messerschmidt, G.F. Müller, J.G. Gmelin, J.E. Fisher, P.S. Pallas, J.G. Georgi.

Funding

The study was conducted as part of the implementation of the State Assignment of the Ministry of Education and Science in the field of scientific activity under the project No. FSUS-2025-0009 «Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early Modern Period (according to archaeological and written sources)

For citation

Borisenko A.Yu. The russian population of the Irkutsk province based on the materials of academic expeditions of the XVIII century // *Universum Humanitarium*. 2024. № 1. P. 8–28.

DOI 10.25205/2499-9997-2024-1-8-28

Введение

На протяжении более чем трех столетий европейцы проявляли интерес к Московскому царству и присоединенным им территориям Урала и Сибири. Одним из основных стимулов для подобной заинтересованности был поиск торгового пути в Китай через Сибирь [Борисенко, Худяков, 2005. С. 40]. Вплоть до XVIII в. представление о России и ее народах складывалось в Европе из разрозненных сведений дипломатов, военных, администраторов. В связи с существенными переменами роли и статуса России на международной арене с начала XVIII в. отношение к ней изменилось [Кротов, 2021. С. 43], что отразилось в публикациях о России в западноевропейской прессе. Если ранее это были по большей части краткие описания, то в петровское время стали появляться публикации публицистического, философского, географического характера. Это может указывать на расширение тематического кругозора европейцев в тех вопросах, которые касались России, и может характеризоваться как новый этап западноевропейской литературы о России. В первой половине XVIII в. в Европе и в частности в Германии стали набирать силу просветительские тенденции, призывавшие относиться к нравам и обычаям народов с большим вниманием и доброжелательством, а также стремление вписать изучаемые народы в контекст мировой истории. Немецкая научная литература была открыта новым веяниям [Белковец, 2021. С. 45, 47, 54].

Приглашенные иностранные специалисты, возглавлявшие или принимавшие участие в первых исследовательских экспедициях, как правило, опирались на заранее составленную исследовательскую программу, однако при этом имели и полное право шире трактовать поставленные перед ними задачи [Хартанович, 2019. С. 38]. В их путевых заметках и отчетах имеются сведения не только о необычных для европейца фактах, как было ранее, но по возможности «с вниманием и доброжелательством» описана окружающая их действительность. К 20-м гг. XVIII в. сложилась «определенная система описания традиционной культуры встречаемых народов», которая включала описание их внешнего облика, жилищ, хозяйственных занятий, пищи, верований [Там же. С. 38].

В историографии основной характеристикой первых российских научных проектов является их комплексность. Тем самым авторы стремятся подчеркнуть грандиозность планов и широту исследовательской мысли, а также определенную универсальность применя-

емых для познания действительности методов. На начальном этапе познавательный процесс в науках предполагал накопление эмпирических данных посредством наблюдения [Шипилов, 2021. С. 129–130]. Применительно к теме нашей работы такая «комплексность» может рассматриваться как возможно более полное описание участниками экспедиций XVIII в. повседневной жизни и деятельности русского населения Иркутской провинции.

Среди исследователей нет единого определения понятия «повседневность». Но чаще всего оно трактуется схожим по смыслу с понятиями «быт», «бытовая культура» и пр. [Щербакова, 2013. С. 92]. В своей работе мы будем исходить из того, что понятие «культура повседневности» не ограничивается культурой «вещности» и включает в себя не просто описание объектов бытовой материальной культуры русского населения бассейнов Ангары, Лены и Нижней Тунгуски, но и то, в какой взаимосвязи они состояли с духовной культурой этого населения в начале XVIII в.

В качестве источника нами были привлечены экспедиционные материалы Д.Г. Мессершмидта за 1723 г., участников Великой Северной экспедиции 1733–1743 гг. Г.Ф. Миллера, И.Г. Гмелина и И.Э. Фишера, участников физической экспедиции 1768–1774 гг. П.С. Палласа и И.Г. Георги.

Изложение материалов

Первые русские появились на территории современной Иркутской области в начале XVII в., задолго до появления здесь иностранных исследователей, и связано это было с освоением промысловых земель. Именно охотники, занимавшиеся пушным промыслом, составляли здесь подавляющую часть русского населения. К середине XVII в., по мере захвата пушных промыслов и рынков крупными предпринимателями, рядовые промысловики все чаще начинают сбывать свой товар на местных ярмарках, в связи с чем теряют необходимость вывозить добычу в европейские районы страны, и становятся постоянными насельниками [Александров, 1964. С. 65]. О процветании пушного промысла упоминают все из привлеченных нами авторов. Их активная «профессиональная» деятельность в конечном итоге привела к истреблению отдельных видов промысловых животных, что также отмечалось исследователями [Messerschmidt, 1964. S. 85, 144]. Многочисленные русские антропотопонимы – названия заимок, пашен и пр., – могут рассматриваться как аргумент в пользу пребывания здесь русского населения [Чивтаев, 2021. С. 224], а их ло-

кализация отражает особенности расселения русских в Прибайкалье, междуречье Ангары, Нижней Тунгуски, Лены. Бóльшую часть (84 %) таких наименований на территории Иркутской области охватывают районы, прилегающие к долине р. Лены и Ангары, а также вдоль «московского тракта» и позже – Восточно-Сибирской железной дороги [Дамбуев, 2013. С. 246–247].

Одним из признаков, демонстрирующих принадлежность к определенной культуре, является архитектура. Обустройство жизни на новых территориях сопровождалось созданием своего социального пространства, наполненного определенной символикой. В Сибири это выражалось в строительстве оборонительных и религиозных сооружений – часовен и церквей, а также в размещении привычных символов – крестов и икон – на воротах, стенах и пр., придавало новому месту более привычный вид, что способствовало психологическому комфорту, помогало адаптироваться в новых условиях [Майничева, 2018. С. 464]. Жилые и хозяйственные помещения зачастую не сохранились до настоящего времени. Информация, собранная участниками экспедиций XVIII в., может дополнить наши знания об архитектурных традициях русских Иркутской губернии. Так, Д.Г. Мессершмидтом было упоминаются 135 русскоязычных топонимов, среди которых и несколько зимовий. Некоторые были достаточно подробно описаны, в том числе их внутреннее убранство и особенности архитектурных конструкций. Одно из таких зимовье Архипово, расположенное в районе р. Кирамки, куда его привел русский провожатый, зимовавший в нем ранее. Как и другие подобные зимовья, оно представляло собой однокомнатное строение высотой около 2,8 м с земляными полами, широкими лавками с двух сторон. В зимовье имелись окна, которые располагались на уровне лавок, примерно в полуметре от пола. Комната отапливалась «по-черному». Печь, построенная из скальника и глины, располагалась в углу комнаты. Растопив ее рано утром, временным жильцам приходилось лежать на лавках и ждать, пока вытягивается дым через отверстие в центре потолка, так как дым заполнял пространство комнаты на высоте от метра и выше. После этого там становилось тепло, «как в бане». Пространство под полатями использовалось для хранения вещей и, вероятно, продуктов, потому что там, на земле, было прохладно, «как в подвале» [Messerschmidt, 1964. S. 99]. Здесь же Д.Г. Мессершмидтом были описаны своеобразные «будки» для собак. Они представляли собой ящики длиной около 4 м (2 сажени), шириной около 1 м (0,5 сажени) и высотой около 0,7 м (1 аршин). Такие конструкции сооружались рядом с зимовьем и защищали собак от непогоды.

В сильные холода рядом с ними разводили костры, но это не всегда спасало животных в стужу.

Еще одним упоминаемым Д.Г. Мессершмидтом архитектурным объектом, в котором проживали только казаки и служилые, являлась курная изба [Ibid. S. 144]. Жилища с печами «по-черному» были очень распространены в Сибири во времена экспедиции Д.Г. Мессершмидта, в том числе в состоятельных домохозяйствах [Майничева, 1999]. Их количество в различных поселениях могло варьироваться от трех, как, например, в Троицкой заимке на р. Хатанге, до 20–30, как на Киренском погосте. Об особенностях конструкции и убранстве Д.Г. Мессершмидт упоминает еще раз в связи с остановкой в д. Тутуре в доме священника. Здесь, как пишет путешественник, в «прекрасной горнице» были узкие окна «на русский манер», диагональю около 60 см (2 фута), которые располагались примерно на уровне пояса, так что требовалось наклоняться, чтобы в них заглянуть. Наличие у ленских крестьян подобных окон описал в начале XIX в. Ф. Шперк, предположив, что они могли играть роль вентиляционных отверстий [Шперк, 1870. С. 160]. Однако чаще всего волоковые отверстия располагались выше и ближе к самой печи, чем описал Д.Г. Мессершмидт. Одна из версий об их функциональном назначении состоит в том, что через них в помещение мог проникать солнечный свет в определенное время суток, что позволяет предположить их назначение в качестве своеобразных часов или календаря [Майничева, 1999].

Внешний вид и состояние печи являлись признаком состоятельности и обустроенности жилища. Исходя из этого, вполне комфортной могла быть жизнь православных священников на р. Лене в 20-е гг. XVIII в. Они могли позволить себе украсить печь изразцами, как в доме одного из них, у которого Д.Г. Мессершмидт побывал в гостях [Messerschmidt, 1964. S. 173]. Большая квадратная печь была украшена разноцветными глазурованными изящными плитками зеленого, желтого, голубого цвета. Сложно по этому короткому замечанию сказать что-либо определенное об их происхождении, однако подобное сочетание цветов было характерно для традиции создания печных изразцов Великого Устюга [Баранова, 2021. С. 112–113]. Создать печь в Тутуре мог как мастер – выходец с русского Севера, каковых было много среди переселенцев [Воробьева и др., 1980. С. 98], но также и местный мастер, используя привезенные изразцы. В начале XVIII в. такая мобильность декоративного материала была вполне привычным явлением [Баранова, 2007. С. 64–78].

Среди «рухляди столовой», которую использовали русские Лены, Ангары и прилегающих территорий, исследователи упоминают

глиняную посуду (горшки) и металлическую (котлы). Если глина была не подходящего качества, керамические изделия русские жители привозили из соседних районов [Миллер, 2009. С. 192]. Вероятно, Г.Ф. Миллер описывает крестьянскую кухонную утварь. Во всяком случае, несколько десятилетий спустя И.Г. Георги говорит о том, что деревянная и глиняная посуда была свойственна именно «крестьянскому быту» [Георги, 1799. С. 137]. Г.Ф. Миллер также указывал, что русские могли пользоваться не только глиняной, железной и медной, но и серебряной посудой. При этом он ссылается на находки таковой у юраков, которые могли грабить «вмерзшие в реки» русские речные суда [Миллер, 2009. С. 192]. Сегодня исследователями установлено, что у аборигенного населения Сибири в Средневековье действительно существовал устойчивый интерес к серебряной и бронзовой посуде, которая использовалась в религиозных культурах. Она могла поставляться из Бактрии, Парфии, Ирана, Согда, Волжской Булгарии, Хазарии, при этом проходя транзитом через районы Западной Сибири [Борисенко, Худяков, 2005. С. 38]. Но все же факт знакомства аборигенного населения с металлом через пришедших сюда русских Г.Ф. Миллер считает достоверным (по этой причине многие железные орудия труда, например кирка, у них имеют русские названия) [Миллер, 2009. С. 196].

Несмотря на то что, как было сказано выше, архитектура является одним из культурных маркеров, тем не менее Г.Ф. Миллер отмечал случаи, когда сибирское население «в зимнее время живут в домах, которые они строят себе по примеру и образцу русских» [Там же. С. 177].

Русские и инородцы при мирном сосуществовании обоюдно заимствовали и другие практические знания и навыки, например охотничьи приемы. Однако материалы иностранных участников академических экспедиций подтверждают, что в XVIII в. взаимодействие не всегда было дружественным.

Уже к XVIII в. действия московской администрации по приведению к подчинению инородческого населения были достаточно вариативны: сотрудничество с теми, чьи князцы соглашались принять подданство, и принуждение военной силой тех, кто оказывал сопротивление [Ахметова, Наследов, 2013. С. 12]. Учитывая потери среди аборигенного населения в результате военных столкновений с русскими, исследователи пришли к выводу, что государство было заинтересовано в том, чтобы русская администрация обращалась с ними «ласково» [Там же. С. 13]. Тем не менее в большинстве привлеченных нами материалах отмечаются факты взимания ясака, не всегда

добровольного, и в качестве принуждения – захват аманатов [Мессершмидт, 2018. С. 26, 36]. Но если у Д.Г. Мессершмидта это скорее краткие констатации фактов захвата заложников, то, например, у И.Э. Фишера такие факты приведены с описанием обстоятельств захвата заложников, непосредственно самих столкновений. Он указывает на то, что аманатами чаще всего становились либо родственники князца, либо женщины. Последние, хотя и были «отягощением» для казаков, но становились ценным предметом торга с местными [Фишер, 1774. С. 531]. Поскольку численность казачьих отрядов в Сибири была немногочисленна, то в помощь «утесненным острогам» собирались «до 200 человек промышленных» [Там же. С. 535]. Ситуация оставалась прежней и в последней трети XVIII столетия. Однако описывается она уже с совсем другими акцентами. Так, И.Г. Георги упоминает русских служилых не в связи с их походами в отдаленные районы на исполнение указа Ее Величества, а описывая во всех подробностях их мундир и его отличия от мундира различных родов войск европейской части России [Георги, 1799. С. 123]. Таким образом, они подтверждают, что участие в походах за ясаком и против строптивых инородцев можно рассматривать в качестве временного занятия русских поселенцев на территории Иркутской губернии в 30-е – 40-е гг. XVIII. Анализируемые материалы показывают, как менялся фокус внимания к этой группе русского населения в ленско-ангарском междуречье от общего к частному в разных его проявлениях.

Основными хозяйственными занятиями русских были охота, рыбная ловля и земледелие. Этому способствовали не только ресурсы региона, но и перебои со снабжением русских привычными товарами, а для казаков и служилых людей еще и задержка выплат жалования, в результате чего они вынуждены были искать дополнительный источник проживания [Зуев, 2014. С. 62]. Судя по материалам участников академических экспедиций, русское и аборигенное население перенимали друг у друга хозяйственный опыт. Наличие плодородных земель подталкивало тунгусов по примеру русского населения использовать их под пашни. В свою очередь, русские воспринимали некоторые охотничьи или транспортировочные приемы аборигенов.

Главным промысловым зверем был соболь. Но кроме него добычей охотников становились волки, медведи, росوماхи, рыси, лисы, горностаи, зайцы, лоси, изюбры, олени, белки. Охота была очень выгодным делом. По сведению Д.Г. Мессершмидта, она приносила в 3–4 больше доход, чем, например, земледелие. За сезон охотник мог добыть более 100 зверей [Messerschmidt, 1964. S. 125]. А Г.Ф. Миллер писал, что русские охотники, живущие вдоль р. Лены, ставят до 2000 лову-

шек только на белок и ежедневно могут добывать до 50 штук [Миллер, 2009. С. 322]. Изобилие пушнины создавало возможности для ее бесконтрольной добычи. Так, в районе р. Антипиха по личному заказу воеводы нещадно выбивались соболя [Messerschmidt, 1964. S. 85]. На «ловлю в леса... выходят целыми толпами, и проводят на оной по несколько недель, удаляясь от жилищ своих на многия сотни верст» [Георги, 1799. С. 170].

Одним из видов охоты были капканы или ловушки, которые русские называли «пасть». Такой вид самолова на территории Среднего Приангарья продолжает существовать и в настоящее время и имеет схожую конструкцию: состоящий из длинных жердей коридор (Д.Г. Мессершмидт называл его «нора»), гнет и настораживающий механизм. «Пасть» относится к типу стационарных ловушек, действует по принципу мышеловки и относится к пассивному виду охоты на мелкую и среднюю дичь [Борейко, 2023. С. 45]. Такой способ добычи зверя имеет ряд преимуществ, благодаря чему охотно применяется промысловиками и сегодня. Он достаточно безопасен, так как сводит к минимуму непосредственный контакт с диким зверем, и не требует много времени (только на установку и проверку ловушки). К тому же длительное пребывание в тайге отягощалось еще одним, на первый взгляд не таким уж очевидным, аргументом – наличием большого количества гнуса. От него страдали не только люди, но и собаки, идущие с людьми. Д.Г. Мессершмидтом описан случай, когда сопровождающие его мужчины были вынуждены на время оставить группу и вернуться за собакой, которую гнус настолько одолел, что она лежала «на берегу реки полностью обессиленная, скулившая, недвижущаяся и не испытывающая радости, потому что москиты... ее источили, и еще тысячи сидели над глазами, и они ее бы, без сомнения, убили, если бы мои люди не нашли ее вовремя» [Чивтаев, 2021. С. 103]. Так что возможность просто установить ловушку, а потом ее проверить должна была облегчать жизнь охотникам и их собакам. Можно предположить, что все эти преимущества были известны и в XVIII в.

Еще одним охотничьим приспособлением были рогатины, которые русские промысловики переняли у самоедов. Их использовали при охоте на оленей, «когда они весной и осенью переплывают через реки» [Миллер, 2009. С. 311]. Г.Ф. Миллер описывает их как разновидность копья с обоюдоострым лезвием длиной около 17 см и шириной около 6 см и длиной древка около 4 м. Русские используют его так же, как и самоеды, при охоте на оленей. А несколько модифицированную его версию с более толстым и коротким древком и более длинным острием – при охоте на медведя [Там же. С. 311].

Для хищников поменьше вроде волка, лисицы, росомахи русские охотники XVIII в. использовали разные виды ядов – «целибуху», рвотный орех, который отваривали в молоке и набивали им кишки; «сулему» – ртутный продукт в виде кристаллов, который чаще использовали в южных районах Иркутской провинции.

Г.Ф. Миллером описаны также так называемые «плашки» – колоды из свежего, вязкого дерева для охоты на белок. Фрагмент дерева расщеплялся вдоль от одного конца почти до другого, устанавливалась распорка, а внутрь помещалось лакомство. Зверек спускался за приманкой, распорка смещалась и вследствие своей естественной упругости дерево смыкалось [Там же. С. 322]. Кроме того, соболей, горностаев, белок били томарами, а также добывали при помощи черканов и кулемы (кулёмки). Подобные приспособления использовались еще как минимум в середине XX в. и по-прежнему являлись достаточно прибыльным охотничьим средством [Семенов, 1957. С. 1]. На мелких зверей и птиц устанавливали «слопцы» – самолов из небольшого бревна с насторожкой, которая, падая, придавливала добычу. При охоте на тетеревов, куропаток и других птиц в качестве приманки клали красные ягоды – бруснику, калину, шиповник. Как пишет Г. Ф. Миллер, слопцы могли ставить и на медведей, но делали их соответствующего размера [Миллер, 2009. С. 322]. Пернатую дичь ловили также на «перевесы» – птичьи сети, часто изготавливавшиеся из крапивы или конопли.

Русские жители ленских берегов занимались рыбной ловлей. Одним из средств рыбалки была острога в виде небольшого по размеру гарпуна. В ночное время, когда рыба спит на мелководье, «с помощью яркого огня лучины, пристроенной к передней части их маленьких челнов на железной вилке, колют и выбрасывают ее из воды» [Миллер, 2009. С. 334]. Этот способ рыбной ловли называли «лучить», т.е. «светить», рыбу. В соседних районах русские выуживали крупную рыбу при помощи колоды. С одной стороны бечевки привязывался крючок без какой-либо наживки. Другой конец крепился к колоде. Если клевала крупная рыба, типа тайменя или щуки, то, чтобы избежать переворачивания лодки, колоду бросали в воду и ждали, пока рыба устанет. После этого к ней подходили на лодке и без опасения доставали улов [Там же. С. 335]. Возможно, ангарские и ленские жители использовали такой нехитрый прием. Г.Ф. Миллер приводит целый ряд различных видов лодок, которыми пользовались русские – щеники, коловинки, каюки, шитики, лотки. Некоторые, например «коломенки», использовались только на производствах и представляли собой скорее речные суда, предназначавшиеся для перевоза

груза. По замечанию И.Г. Георги, они могли перевозить до 500 кг одновременно. Он упоминает также о «полуколоменках», однако указывает, что они были малоупотребительны [Georgi, 1775. S. 622–623]. Д.Г. Мессершмидт использовал в перемещениях по воде «дощаники» [Мессершмидт, 2018. С. 37].

Однако, как активный пушной промысел сокращал количество дичи, рыбный промысел, по мнению Д.Г. Мессершмидта, мог негативно сказаться на запасах рыбы. Им был описан случай, когда в Осиповой пашне (современное с. Оськино – см. [Чивтаев, 2008. С. 140]) заготовленная в прошлом году рыба была утилизирована – «выкинута в навоз» [Messerschmidt, 1964. S. 125]. Вместе с тем он сообщает, что рыбный промысел помогал выживать и был одной из причин переселения сюда русских [Ibid. S. 173]. Кроме уже упомянутых у Г.Ф. Миллера разновидностей рыб русские занимались добычей налимов, угрей, хариусов, вальков. Для этого они использовали лодки, которые, однако, были «тяжелы для некоторых притоков основных рек». Так, например, приток р. Нижняя Тунгуски речка Суринда, будучи богатой рыбой, была непроходима для русских лодок, в то время как тунгусы на более легких берестяных лодках ходили по ней беспрепятственно [Messerschmidt, 1964. S. 134].

Кроме добычи рыбы в реках, организовывались санные обозы на Байкал за рыбой. Промысловые люди размещались на 4–5 санях и выезжали на промысел. Возможно, русские добывали не только рыбу, но и занимались звероловным промыслом – добывали нерпу, так как о ее наличии, безусловно, было известно [Messerschmidt, 1964. S. 177], но у Д.Г. Мессершмидта нет достоверных сведений об этом. Спустя почти полвека об этом занятии упоминает Петер Симон Паллас. Добыча нерпы являлась откупным промыслом. Для этого нанимались работники, которых откупщик обеспечивал необходимым оборудованием, а взамен получал шкуру и сало тюленя. Добытчики растягивали над санями белый парус, который, как пишет П.С. Паллас, тюлени могли принимать за льдину, что позволяло подойти к ним на расстояние выстрела [Паллас, 1788. С. 137]. Наилучшим временем для добычи нерпы был апрель. В это время тюлени выходят на солнце и становятся уязвимыми перед охотниками. Занятие, видимо, было прибыльным, так как исследователь пишет о «множестве народу», который готовился выходить на промысел и которого он встретил в одном из зимовий [Там же. С. 137]. В XVIII в. на Байкале добывалось порядка двух тысяч тюленей в год [Байкал..., 2008. С. 435], однако какая доля приходилась на русских добытчиков, ответить затруднительно.

Традиционно русским занятием в междуречье Лены, Ангары, Нижней Тунгуски в первой половине XVIII в. было земледелие. Главной культурой были зерновые – рожь, яровая пшеница, ячмень, полба, овес, просо, но также выращивали овощи – свеклу, капусту, морковь. И.Г. Георги отмечает «тучность» сибирской земли, в том числе «около Иркутска». Она не требовала дополнительного удобрения, «а токмо после засеваания оной от пять до десяти лет, роздыху года на три» [Георги, 1799. С. 165]. Также он упоминает, что в Иркутской губернии (одной из немногих в России) сеяли хмель [Там же. С. 167]. Землей распоряжались монастыри, а также крестьяне, которые за возможность свободно сеять должны были выплачивать годовую пошлину казне [Messerschmidt, 1964. S. 125]. На монастырских пашнях кроме крестьян, непосредственно обрабатывавших землю, проживал монах для инспектирования процесса, который сменялся каждые два года [Ibid. S. 127]. Позже, во второй половине XVIII в., большую часть крестьян начинают составлять государственные крестьяне [Кабузан, Троицкий, 1966. С. 39].

Земледелие, в отличие от рыболовства и тем более пушного промысла, не было особенно прибыльным делом. Не последнюю роль в этом играли погодные условия, из-за которых поля часто были полны пустоколосицы. Так, на Троицкой заимке ежегодно урожай составлял всего около 400 кг (правда, Д.Г. Мессершмидт не указывает, с какой посевной площади), овощи вызревали очень плохо, так что не всегда отправлялись в монастырские закрома, а использовались жителями заимок. Таким образом, кроме неспелых овощей, крестьянин получал в год 20 пудов муки, что было крайне мало. Это, по мнению Д.Г. Мессершмидта, заставляло их или голодать, или воровать [Ibid. S. 127]. Однако по каким-то причинам русские крестьяне не всегда использовали предоставляемые природой ресурсы. Так, в Петровой заимке, располагавшейся между деревней Тутурой и Верхоленском, информатор Д.Г. Мессершмидта не смог предоставить сведений о каких-либо промыслах, так как «они были земледельцами и никогда не занимались промыслом и дикими животными» [Ibid. S. 173]. Непростые условия возделывания земли наряду с альтернативным доходом от пушного, рыбного промысла способствовали тому, что земледелие развивалось недостаточно интенсивно, и восточные районы Сибири довольно долго нуждались в поставках зерна и других привычных товаров из центральной России [Люцидарская, 2014. С. 89].

Представители русской этнической группы также держали скот – овец и коров. Д.Г. Мессершмидт упоминает об этом лишь раз в связи с добычей соли и использованием соляных шлаков в корм домаш-

них животным. На его авторитетный взгляд медика, это должно было предохранить их от кишечных паразитов [Messerschmidt, 1964. S. 163]. Так же жир жвачных животных использовался для освещения помещений, пропитывая сосновую лучину. Но он был дефицитным продуктом, так как из-за скудости пастбищ скот был недостаточно тучен и маложирен [Ibid. S. 162].

Г.Ф. Миллером упоминаются некоторые животноводческие приемы, которые в Сибири применялись русскими. Например, методы проверки коров на беременность или сохранения молока у коровы после отела [Миллер, 2009. С. 215]. Надо заметить, что, возможно, это действительно могло представлять проблему. У русских сибиряков даже считалось плохой приметой, если корова приносила двух телят. Вероятно, из-за того, что их сложнее выкормить, а хозяину животного не доставалось или доставалось слишком мало молока. При выгоне на пастбище коровам привязывались на шею железные или медные колокольчики, которые они продавали и местному сибирскому населению [Там же. С. 224].

Частым эпизодом в путевых заметках Д.Г. Мессершмидта было указание на гостеприимство русских. В подавляющем большинстве мест, где исследователь останавливался по пути из Мангазеи в Иркутск, его встречали очень доброжелательно, хлебосольно как в прямом, так и в переносном смысле. Промысловики, крестьяне, хозяева жилья на постое, священники приносили или передавали ему приветственные хлеб, кренделя, шаньги, рыбные пироги, масло, курицу, яйца, баранину, глухарей, бруснику, свеклу, молоко, чай, пиво, табак и даже песцов и росомох. Как говорится, чем богаты, тем и рады. Зачастую в ответ на гостеприимство Д.Г. Мессершмидт предлагал пиво или водку, от которых дарители никогда не отказывались.

Русские обычаи гостеприимства в Сибири подразумевали, что гость может оставаться подолгу, приходит «навеселе» даже в непраздничные дни [Messerschmidt, 1964. С. 188]. В праздники же жизнь в поселках практически останавливалась. Разрешить какую-либо внезапно возникшую проблему – переправа, сбор информации, хозяйственные вопросы – было невозможно, все варили пиво. Надо сказать, что по указу Петра I в 1714 г. в Сибири действительно было разрешено делать алкогольные напитки не только на официальных винокурнях, но и «людям всех званий... с объявлением об этом начальству» [Зиновьев, 2008. С. 14]. Перед началом Великого поста «каждый изо всех сил старается напиться водки и пива везде, где только можно их встретить, и по этой причине кажется, что весь город встревожен и все, мужчины и женщины, буйствуют, и люди ме-

чутся, ездят от одного дома к другому, чтобы начисто вылизать все пивные емкости. Первый день после масленицы (*Maslitzen*), или недели пьянства, в который все русские обычно отсыпаются от сильного опьянения и не выходят из дома, а потому ничего нельзя было предпринять» [Messerschmidt, 1964. С. 208–209].

«Питейный» сюжет встречается и позже, в том числе в работах участников Великой Северной экспедиции и экспедиции П.С. Палласа. И.Г. Георги, описывая отношения русских к алкоголю, писал, что с гостями они «любят подпить изрядно... надлежащая пристойность к женскому полу не бывает забыта, как бы ни шумна была компания от горячих напитков. Подпившие же не только не сварливы или обидчивы, но напротив тем паче благоприветливы, дружелюбны, гостеприимны, вежливы бывают, рассказывают про отсутствующих скорее хорошее, нежели худое... Всякий не оставляет охмелевшего с лишком, но охотно провожает его, поддерживает, охраняет от падения и сбережет ему [при]надлежащее в целости» [Георги, 1799. С. 181]. Одной из причин, почему европейцы обращали на эту склонность русского человека внимание, это умеренное потребление алкоголя самими иностранцами в силу религиозных ограничений, на которые, кстати, можно было сослаться при любом приглашении выпить горячительных напитков. Русское население Сибири действительно предпочитало пиво и водку другим видам алкогольных напитков, причем последняя была в приоритете [Элерт, 2007. С. 107].

Водку использовали не только как увеселительное и горячительное, но и как лечебное средство, которое предпочитали другим лекарственным препаратам – лечебным травам или пилюлям. Кроме того, бытовало представление о том, что целебными свойствами обладал и сибирский воздух, например, при лихорадке. Г.Ф. Миллер, ссылаясь на сведения жителей Енисейска, приводит случаи излечения от этого заболевания в достаточно короткий срок при переезде в более северные районы к р. Нижней Тунгуске [Миллер, 1941. С. 87]. Кроме лихорадки, распространенным заболеванием исследователи называют оспу, которую русские завезли с собой Сибирь и переносили легче, чем аборигены. Иногда, вероятно, достаточно было регулярно промывать тело чистой водой, как сообщает И.Г. Георги [Георги, 1799. С. 184].

Выводы

Путевые описания участников академических экспедиций XVIII в. в восточную Сибирь на протяжении рассматриваемых пятидесяти

с небольшим лет меняли свой характер. Записи Д.Г. Мессершмидта можно охарактеризовать как описательные с большей и меньшей степенью детализации. Они представляют собой непосредственное описание переживаемых им самим событий и демонстрируют их прямую или опосредованную связь с бытовыми привычками, навыками русского населения Иркутской губернии середины 20-х гг. XVIII в. Содержащуюся в них информацию о русских, проживавших в бассейнах рек Ангара, Лена, Нижняя Тунгуска, и их культуре тематически можно разделить на несколько блоков: хозяйственные занятия, архитектурные особенности, праздники, поведенческие характеристики.

Материалы Г.Ф. Миллера и его коллег по экспедиции носят иной характер. Несмотря на то что Г.Ф. Миллером был предложен принципиально новый подход к изучению народов, тем не менее, что касается русской диаспоры отдаленных сибирских территорий, участники отряда Г.Ф. Миллера акцентировали свое внимание скорее на архивных, статистических данных, нежели на повседневных особенностях, что далеко от его этнографической программы [Элерт, 1999. С. 181–226]. Расспросные неофициальные и анкетные официальные данные делают его повествование более сдержанным, но вместе с тем более информативным. Это может объясняться поставленной задачей – «собрать путем архивных разысканий, анкетирования уездных канцелярий и опросов местных жителей максимально полные данные по географии, истории, экономике, сословном составе, численности и расселении русского населения, его повинностях» [Элерт, 2019. С. 248].

В работах П.С. Палласа и И.Г. Георги акценты расставлены иначе. Более пристальное внимание уделяется частным вопросам, что выражается в детализации описаний отдельных частных элементов культуры русских конца XVIII в. в Иркутской губернии, например описании военной формы русских казаков, характеристике речного транспорта, тюленьего промысла.

Таким образом, по сведениям, собранным в ходе академических экспедиций XVIII в., жизнь русского населения Иркутской губернии представляется следующим образом. Его плотность в междуречье Нижней Тунгуски, Ангары, Лены была крайне невысокой. Однако она постепенно росла, в том числе за счет ссыльных, и к 80-м гг. XVIII в. русские составляли около 38 % [Кабузан, Троицкий, 1966. С. 39]. Природные и климатические условия определяли род их хозяйственной деятельности. Он мог быть как комплексным – например, земледелие и сезонный промысел, так и носить определенный характер – только земледелие. Расселяясь вдоль бассейнов больших и малых рек,

русские приносили с собой традиции своих родных мест, создавая привычное для себя символическое пространство, что должно было помочь переселенцам адаптироваться в непростых предлагаемых обстоятельствах. Но они также воспринимали опыт местного населения в некоторых хозяйственных сферах. Некоторые традиции в измененном виде сохранились до настоящего времени, что позволяет проследить их развитие в ретроспективе.

Материал поступил в редколлегию

Received

10.09.2024

Список литературы

Александров В.А. Русское население Сибири XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1964. 303 с.

Байкал: природа и люди. Улан-Удэ: Изд. дом «Экос», 2008. 600 с.

Баранова С.И. Миграция московских изразцов // Коломенское. Материалы и исследования. М., 2007. Вып. 9. С. 64–78.

Баранова С.И. Сибирский изразец XVIII века: одно наблюдение // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Сургут, 2021. Т. 2. С. 110–114.

Белковец Л.П. Герард Фридрих Миллер. Долгий путь в историю. М.: Проспект, 2023. 231 с.

Борейко Д.В. Самоловы русских старожилов Среднего Приангарья // Музеи в культурном пространстве молодых индустриальных городов. Братск: Изд-во Братского городского объединенного музея истории освоения Ангары, 2023. С. 45–50.

Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Изучение древностей Южной Сибири немецкими учеными XVIII–XIX вв. Новосибирск: НГУ, 2005. 270 с.

Воробьева И.А., Малолетко А.М., Розен М.Ф. Историческая картография и топонимия Алтая. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. 122 с.

Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Ч. 4. СПб.: Типография при Императорской акад. наук, 1799. 317 с.

Дамбуев И.А. Антропонимы Иркутской области и история русского заселения Восточной Сибири // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. 2013. № 5 (76). Гуманит. науки. С. 246–249.

Зиновьев В.П. Традиции сибирского винокурения в XVIII–XIX вв. // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2008. № 1 (2). С. 13–23.

Зуев А.С. Русские на крайнем северо-востоке Сибири в XVII – начале XX века: динамика, направления и результаты этнокультурной адаптации в иноэтнической среде // Сибирь и русский Север. Проблемы миграций и этнокультурный взаимодействия (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 55–87.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. // Сов. этнография. 1966. № 3. С. 23–47.

Кротов П.А. Россия Петра I: обретение великодержавности // Вестник МГИМО-Университета. 2021. 14(6). С. 30–48.

Люцидарская А.А. Связи населения Сибири с европейской частью России (XVII – начало XVIII века) // Сибирь и русский Север. Проблемы миграций и этнокультурный взаимодействия (XVII – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 88–97.

Майничева А.Ю. Печи сибиряков-старожилов Верхнего Приобья: конструктивные особенности и семантика. URL: <https://zaimka.ru/mainicheva-ovens/?ysclid=lsh3s2vgws612071804>. 1999. (дата обращения 04.04.2024).

Майничева А.Ю. Архитектура Сибири: символическое освоение пространства русскими // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. С. 462–465.

Мессершмидт Д.Г. Дневники от Мангазеи до Иркутска. 1723. Иркутск: На Чехова, 2018. 266 с.

Миллер Г.Ф. История. Сибири. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 637 с.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. М.: Памятники ист. мысли, 2009. 453 с.

Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. III. СПб.: Императорская акад. наук, 1788. 624 с.

Семенов Б.Т. Промысел белки самоловами. М.: Изд-во Центросоюза, 1957. 21 с.

Фишер И.Э. Сибирская история от самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., Типография при Имп. акад. наук, 1774. 631 с.

Харганович М.В. Принципы собирания этнографических коллекций для Кунсткамеры Императорской академии наук: от сибирской

экспедиции Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) до Второй Камчатской экспедиции (1733–1743) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 36–49.

Чивтаев Ю.И. Топонимы Нижней Тунгуски в дневнике Д.Г. Мессершмидта как источник научной информации // К 300-летию начала экспедиции Даниэля Готлиба Мессершмидта в Сибирь (1719 – 1727). СПб.: Реноме, 2021. С. 214–226.

Шипилов И.А. Академические экспедиции XVIII века в Сибирь как фактор модернизации Российской империи // Ист. курьер. 2021. № 5 (19). С. 127–139.

Шперк Ф. Верхоленский округ Иркутской губернии // Медико-топографический сб. СПб., 1870. Т. 1. С. 158–160.

Щербакова Л.В. Культура повседневности: материальная культура // Вестн. АГТУ. 2013. № 1 (55). С. 92–96.

Элерт А.Х. Русские сибиряки XVIII века и алкоголь // Наука из первых рук. Т. 18. № 6. С. 102–117.

Элерт А.Х. Народы Сибири в трудах Г.Ф. Миллера. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. 239 с.

Элерт А.Х. Описание Мангазейского уезда Г. Ф. Миллера (1735) // Источники по истории России: проблемы общественной мысли и культуры. Новосибирск, 2019. Археология и источниковедение Сибири. Вып. 38. 376 с.

Georgi I.G. Bemerkungen einer Reise im Rußischen Reich. SPb.: Kaiserliche Academie der Wissenmschaften, 1775. 506 S.

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. Teil 2. Tagebuchauszeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 285 S.

References

Alexandrov V.A. The Russian population of Siberia of the XVII – XVIII centuries. Moscow, Nauka, 1964. 303 p. (In Russ.)

Alexandrov V.A. Russkoe naselenie Sibiri XVII – XVIII v. M.: izd-vo «Nauka», 1964. 303 s.

Baikal: nature and people. Ulan-Ude: ed. house «Ekos», 2008. 600 p.

Baranova S.I. Migration of Moscow tiles // Kolomenskoye. Materials and research. M., 2007. Issue 9. pp. 64–78. (In Russ.)

Baranova S.I. Siberian tile of the XVIII century: one observation // Culture of Russians in archaeological research. Omsk-Surgut, 2021. Vol. 2. pp. 110–114. (In Russ.)

Belkovets L.P. Gerard Friedrich Miller. A long way into history. Moscow: Prospekt Publishing House, 2023. 231 p. (In Russ.)

Boreyko D.V. Samolovs of Russian old-timers of the Middle Angara region // Museums in the cultural space of young industrial cities. Bratsk: Publishing house of the Bratsk City United Museum of the History of the development of Angara, 2023. pp. 45–50. (In Russ.)

Borisenko A.Yu., Khudyakov Yu.S. The study of the antiquities of Southern Siberia by German scientists of the XVIII – XIX centuries. Novosibirsk, 2005. 270 p. (In Russ.)

Chivtaev Yu.I. Toponyms of Lower Tunguska in D.G. Messerschmidt's diary as a source of scientific information // To the 300th anniversary of the beginning of Daniel Gottlieb Messerschmidt's expedition to Siberia (1719–1727). St. Petersburg: Publishing house «Renome», 2021. pp.214–226. (In Russ.)

Dambuyev I.A. Anthroponyms of the Irkutsk region and the history of Russian settlement in Eastern Siberia // Bulletin of the Ir.GTU. № 5 (76). 2013. Humanities. pp. 246–249. (In Russ.)

Elert A.H. Russian Siberians of the XVIII century and alcohol // Science from the first hand. Vol. 18. No. 6. pp. 102–117. (In Russ.)

Elert A.H. Peoples of Siberia in the works of G.F. Miller. Novosibirsk, publishing house of IAET SB RAS, 1999. 239 p. (In Russ.)

Elert A.H. Description of the Mangazeysky district by G. F. Miller (1735) // Sources on the history of Russia: problems of public thought and culture. Novosibirsk, 2019. Archeography and source studies of Siberia. Issue 38. 376 p. (In Russ.)

Fisher I.E. Siberian history from the very discovery of Siberia to the conquest of this land by Russian weapons. St. Petersburg, at Imp. Academy of Sciences, 1774. 631 p. (In Russ.)

Georgi I.G. Bemerkungen einer Reise im Rußischen Reich. SPb., Kaiserliche Academie der Wissenschaften, 1775. 506 S. (In Germ.)

Georgi I.G. Description of all peoples living in the Russian state and their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, religions and other memorabilia. Part 4. St. Petersburg: at the Imperial Academy of Sciences, 1799. 317 p. (In Russ.)

Kabuzan V.M., Troitskiy S.M. New sources on the history of the population of Eastern Siberia in the second half of the XVIII century. // Soviet Ethnography. 1966. No. 3. pp. 23–47. (In Russ.)

Khartanovich M.V. Principles of collecting ethnographic collections for the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences: from the Siberian expedition of D.G. Messerschmidt (1719–1727) to the Second Kamchatka

Expedition (1733–1743) // Bulletin of the NSU. Series: History, philology. 2019. Vol. 18, No. 5: Archeology and Ethnography. pp. 36–49. (In Russ.)

Krotov P.A. Russia of Peter the Great: the acquisition of Greatness // Bulletin of MGIMO University. 2021. 14(6). pp. 30–48. (In Russ.)

Lutsidarskaya A.A. Connections of the Siberian population with the European part of Russia (XVII – early XVIII century) // Siberia and the Russian North. Problems of migration and ethnocultural interactions (XVII – early XXI century). Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS, 2014. pp. 88–97. (In Russ.)

Mainicheva A.Yu. Furnaces of Sibiriyakov-old-timers of the Upper Ob region: design features and semantics // <https://zaimka.ru/mainicheva-ovens/?ysclid=ish3s2vgws612071804>. 1999. accessed 04.04.2024. (In Russ.)

Mainicheva A.Y. Architecture of Siberia: symbolic exploration of space by Russians // Balandinsky readings. 2018. Vol. XIII. pp. 462–465. (In Russ.)

Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. Teil 2. Tagebuchauszeichnungen Januar 1723 – Mai 1724. Berlin: Akademie-Verlag, 1964. 285 S. (In Germ.)

Messerschmidt D.G. Diaries from Mangazeya to Irkutsk. 1723. Irkutsk: On Chekhov, 2018. 266 p. (In Russ.)

Miller G.F. History. Siberia. Vol. 2. M.-L.: publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1941. 637 p. (In Russ.)

Miller G.F. Description of the Siberian peoples. M.: Monuments of historical thought, 2009. 453 p. (In Russ.)

Pallas P.S. A journey through different provinces of the Russian state. Part III. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences, 1788. 624 p. (In Russ.)

Semenov B.T. Fishing for squirrels by samolov. M.: publishing house of the Centosoyuz, 1957. 21 p. (In Russ.)

Shipilov I.A. Academic expeditions of the XVIII century to Siberia as a factor of modernization of the Russian Empire // Historical courier. 2021. No. 5 (19). pp. 127–139. (In Russ.)

Shperk F. Verkholsky district of Irkutsk province // Medico-topographical collection. St. Petersburg, 1870. T. I. S. 158–160. (In Russ.)

Shcherbakova L.V. Culture of everyday life: material culture // Bulletin of the ASTU. 2013. No. 1 (55). pp. 92–96. (In Russ.)

Vorobyova I.A., Maloletko A.M., Rosen M.F. Historical cartography and toponymy of Altai. Tomsk: Publishing House of Tomsk University, 1980. 122 p. (In Russ.)

Zinoviev V.P. Traditions of Siberian distilling in the XVIII – XIX centuries. // Bulletin of Tomsk State University. History. 2008. No. 1 (2). pp. 13–23. (In Russ.)

Zuev A.S. Russian Russians in the extreme Northeast of Siberia in the XVII – early XX century: dynamics, directions and results of ethnocultural adaptation in a non-ethnic environment // *Siberia and the Russian North. Problems of migration and ethnocultural interactions (XVII – early XXI century)*. Novosibirsk: Publishing house of IAET SB RAS, 2014. pp. 55–87. (In Russ.)

Сведения об авторе

Борисенко Алиса Юльевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, (Проспект Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), лаборатории гуманитарных исследований, Новосибирский государственный университет (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)

Alisa Yu. Borisenko, Doctor of History, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Laboratory for humanities, Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), aborisenko2@mail.ru

ORCID 0000-0001-9558-5678